

— Не нужно, я не верю в судьбу, — холодно произнес Цзи Сюэмянь.

Дуань Цичи помог Цзи Сюэмяню поднять беременную женщину.

— Я тоже не верю.

Молодая женщина с улыбкой поправила платье:

— Не берусь судить о многом, но за все то время, что я занимаюсь гаданием, впервые вижу столь знатного человека, от которого исходит фиолетовое сияние. Только вот в этом сиянии почему-то примешан слабый розоватый жемчужный блеск...

Вдалеке послышались шаги стражников и крики о поимке Паука. Улыбка на лице молодой женщины застыла, и она поспешно завела обоих мужчин через заднюю дверь в небольшую деревянную пристройку.

— Это мой дом, побудьте здесь, и пока я не позову — не выходите!

Сказав это, она ловко заперла дверь снаружи. Как только замок щелкнул, вокруг дома уже собралась толпа стражников.

— Девушка, ты не видела мужчину с татуировкой паука на лице? Скорее сюда, нашли!

— Не бойся, мы не причиним тебе вреда...

Снаружи поднялся шум, судя по всему, жизни женщины ничего не угрожало. Конечно, если только они не обнаружат, что она укрывает Цзи Сюэмяня и Дуань Цичи.

В темноте Цзи Сюэмянь впервые ощутил, как к горлу подступает удушье. Он боялся узких, темных пространств — они вызывали в нем чувство беспомощности и неспособности контролировать ситуацию. Его охватила тревога: что, если кто-то подожжет этот домик, как когда-то все в поместье Цзи погибли в том пожаре? Столько лет этот кошмар преследовал его. Цзи Сюэмянь всегда пытался побороть этот страх, но в конце концов с отчаянием понял, что не может.

Дуань Цичи не заметил, насколько неестественно тих стал Цзи Сюэмянь. Он и сам затаил дыхание, не желая показываться на глаза. Мужчина привычно свернулся так, чтобы поместиться в тесной каморке — казалось, он делал это уже бесчисленное количество раз. Он нащупал Цзи Сюэмяня, провел рукой по его ключице, скользнул ниже, схватил за пояс и бесшумно притянул к себе. На вспотевшей ладони Цзи Сюэмяня он вывел несколько знаков: «Боишься?»

Цзи Сюэмянь закрыл глаза, чувствуя, как теплые кончики пальцев чертят линии на его ладони, а мягкие ногти слегка надавливают, словно интимный шепот. Он не ответил. Однако Дуань Цичи почувствовал, что Цзи Сюэмянь дрожит, а пот на его ладони холодный. Поняв всё без слов, Дуань Цичи снова перехватил его руку и вывел: «Не бойся».

Едва Цзи Сюэмянь успел прочитать это, как оказался заключен в объятия. Сначала прикосновение было легким, но затем руки Дуань Цичи сжались крепче. Цзи Сюэмянь был вынужден припасть к нему, не смея пошевелиться. Снаружи все еще доносились голоса спорящих стражников. Цзи Сюэмянь не мог произнести ни слова, но впервые не стал вырываться.

Было слишком тихо, и он не хотел нарушать эту тишину. Оставалось лишь спрятать лицо в теплом изгибе шеи Дуань Цичи, словно маленькая белая птичка, любящая зарываться в перья. Дуань Цичи, казалось, почувствовал щекотку от его волос и еще крепче обнял его. Цзи Сюэмяню стало нечем дышать, но Дуань Цичи, погладив его по голове, склонился и укусил за мочку уха.

Горячее дыхание опаляло кожу. Сердце Цзи Сюэмяня колотилось, как бешеный барабан, он плотно сжал губы, боясь, что Дуань Цичи услышит этот бешеный ритм. Но тот настойчиво разжал его зубы, и в этом грохоте бьющихся сердец между ними начало разгораться тайное пламя.

Лишь когда Цзи Сюэмянь был на грани потери сознания, Дуань Цичи с неохотой отстранился. Обхватив его шею, он прижался своим лбом к его лбу. В крошечной камере, где едва могли разместиться полтора человека, теперь слышалось лишь два сбивчивых, тяжелых дыхания. Цзи Сюэмянь отчетливо слышал в тишине только стук собственного сердца, отчего почувствовал себя крайне неловко и даже растерянно.

Когда молодая женщина открыла дверь, Цзи Сюэмянь нетвердой походкой выбрался наружу. Дуань Цичи шел следом, его вид был невозмутим, лишь в уголках глаз затаилось едва уловимое выражение страсти. Цзи Сюэмянь опустил взгляд, пряча свои эмоции.

Женщина открыла входную дверь, и их встретило встревоженное лицо Лин Иня.

— Господин, где вы были? Вы меня напугали до смерти! — Лин Инь пригласил их войти. — Сестрица Цю Лянь, у вас же такой живот, а вы пошли гадать, если зять вернется и узнает, он точно мне задаст!

Похоже, Лань Шэнь уже рассказал Лин Иню об их личностях. Лин Инь протянул криво написанный лист бумаги:

— Договор о продаже в рабство.

Цзи Сюэмянь взял его, испытывая смешанные чувства, но внешне оставаясь спокойным:

— Ты хочешь продать себя мне?

Лин Инь кивнул:

— Да. Я поеду с вами в столицу, буду служить вам всю жизнь.

Цю Лянь вздохнула:

— У моего брата горькая судьба. Я подобрала его еще ребенком, но не смогла защитить. Пусть лучше идет с вами, чем оставаться в этом городе Тяньхуа и...

Она покраснела, не договорив. Цзи Сюэмянь сжал бумагу в руке и, в конечном счете, ничего не ответил, лишь передал договор Лань Шэню на хранение и погладил Лин Иня по голове:

— Хорошо.

Увидев, что он согласился, Лин Инь расплылся в улыбке. В свои пятнадцать-шестнадцать лет он выглядел как наивный юноша из Наньцзяна, совершенно не знающий жизни, что вызвало у Цзи Сюэмяня горькое чувство. Он вспомнил маленького императора в столице — тот был почти того же возраста, но их судьбы различались как небо и земля. Цзи Сюэмянь, никогда не веривший в судьбу, молча решил, что, вернувшись в столицу, обучит Лин Иня грамоте и правилам поведения.

Линь Юань прыгнул с крыши — по-видимому, он все это время был наготове, ожидая, что если стражники войдут в пристройку за Дуань Цичи, он бросится вниз и перерубит их. Линь Юань осторожно обошел Цю Лянь:

— Девушка, времена сейчас беспокойные, как вы решились родить ребенка?

Цю Лянь опустила голову и тихо ответила:

— Я сама об этом не думала, но мой муж сказал: давай родим, и я решилась.

Цзи Сюэмянь сел отдохнуть и не заметил, как Дуань Цичи с задумчивым видом смотрит на округлившийся живот женщины.

В сумерках поднялся дым от очагов. Снаружи Лин Инь хлопотал с ужином. Цю Лянь, которой было тяжело передвигаться, ушла в комнату прилечь. Лань Шэнь принес котелок с рисовой кашей и, быстро перекусив, вернулся на кухню. Стол и стулья в доме были низкими. Цзи Сюэмянь отвязал свой серебряный хлыст, положил его рядом и наполнил несколько чашек. От каши шел густой пар. Подув, он увидел, как Дуань Цичи с надеждой смотрит на чашу в его руках, и безразлично спросил:

— Будешь?

Черты лица Цзи Сюэмяня скрывались за белесой дымкой, он казался таким нежным и мягким, словно теплый весенний сон зимней ночью в столице. Сердце Дуань Цичи внезапно оттаяло.

— Покорми меня.

Цзи Сюэмянь закатил глаза:

— Не хочешь — не ешь.

Лань Шэнь, попивая кашу, заметил:

— А каша вкусная, тут есть лепестки цветов?

Дуань Цичи зачерпнул ложку:

— Какие цветы? Это от господина так вкусно пахнет.

Лань Шэнь почесал затылок и рассмеялся:

— Это естественно, у нашего господина все прекрасно...

Когда каша была съедена, Лин Инь быстро и ловко убрал посуду. Лань Шэнь тоже встал:

— Ваше Высочество, господин, сегодня ночью я буду патрулировать город. Если будут поручения — подайте сигнал, я сразу вернусь. Линь Юань охраняет улицу, но я все равно не спокоен.

Цзи Сюэмянь слегка кивнул:

— Иди, будь осторожен во всем.

Сидящий в стороне и никем не замечаемый Дуань Цичи подпер подбородок и принялся внимательно разглядывать Цзи Сюэмяня. Тот не отводил взгляда — пусть смотрит, от этого он не убудет. Постепенно этот взгляд начал вызывать у Цзи Сюэмяня дискомфорт. Как только Лань Шэнь плотно закрыл дверь, Цзи Сюэмянь поднялся:

— Ваше Высочество, ночь глубока, я откланиваюсь.

Дуань Цичи продолжал смотреть на него, прищурившись в улыбке:

— В этом доме всего две комнаты. Сюэмянь, ты собрался спать в дровяном сарае или на кухне?

Цзи Сюэмянь не знал ответа, но точно понимал, что оставаться в этой комнате нельзя.

Дуань Цичи продолжил:

— Может, потеснимся со мной? Ты не против?

Цзи Сюэмянь, разумеется, отказался. Он поклонился и уже было собрался к двери, но Дуань Цичи небрежно поднял забытый на столе хлыст, прикинул расстояние и хлестнул им — дверь с грохотом захлопнулась.

Цзи Сюэмянь инстинктивно отступил и оказался в его объятиях. Он машинально прикрыл грудь, где был спрятан Императорский Тигриный Верет, но Дуань Цичи, казалось, вовсе не думал об этом — или, вернее, сейчас он не хотел заботиться ни о чем. Так он и поступил: выхватил из рук Цзи Сюэмяня Верет и швырнул его в сторону. Тот с глухим звуком ударился о каменный пол — слышно было, что Дуань Цичи плевать на все последствия.

Цзи Сюэмянь с силой оттолкнул его и, согнувшись, бросился поднимать Верет, но Дуань Цичи перехватил его поперек талии и бросил на стол. Послышался сухой хруст, словно хрупкие кости Цзи Сюэмяня не выдержали. В комнате дрожал огонек свечи, летняя ночь казалась пугающе тихой.

При свете луны Дуань Цичи, сам не зная, какая муха его укусила, схватил обе руки Цзи Сюэмяня и прижал их к столу. Глядя на него сверху вниз, он спросил:

— Сылин, а мальчики тоже могут рожать детей?

Сила его рук была умеренной, второй рукой он провел по щеке Цзи Сюэмяня. Это был глупый вопрос. Цзи Сюэмянь, прижатый к холодному дереву, чувствовал, как внутри закипает ярость, и не хотел разговаривать.

— Дуань Цичи, не переходи границы.

Дуань Цичи ничего не замечал:

— Я так плачу за доброту.

Цзи Сюэмянь нахмурился:

— Какую еще доброту?

Глаза Дуань Цичи потемнели:

— Ты помог мне прикончить Паука, я плачу собой.

Лицо Цзи Сюэмяня мгновенно вспыхнуло:

— Что за бред ты несешь? Убирайся!

При мысли о предстоящих страданиях в его горле застрял испуганный вскрик, и он попытался вырваться. Но Дуань Цичи не был тем, с кем можно шутить — он тут же схватил ленту, которой были подвязаны волосы, и намертво связал запястья Цзи Сюэмяня.

— Эта хижина такая маленькая, куда ты собрался бежать? — Дуань Цичи плотно прижал его к себе, вкрадчиво соблазняя: — Сылин, давай родим ребенка, а?

Цзи Сюэмянь прорычал сквозь зубы:

— Я. Не. Могу.

Ответ был ожидаем. Дуань Цичи вздохнул:

— Знаю, что твое тело не позволяет, но подыграть мне нельзя?

Подумав, он добавил:

— Даже если бы ты согласился, я бы не позволил тебе страдать. Не рожай, и ладно.

Цзи Сюэмянь прищурился:

— Еще одно слово...

Дуань Цичи закрыл ему глаза рукой. Цзи Сюэмянь почувствовал тупую боль в губах, слова утонули в шуме воды. От этого поцелуя ему показалось, что в его сосудах зашевелились паразиты. Не желая сдаваться, он все же прошептал:

— Паразит... проснулся.

Дуань Цичи, который поначалу был разочарован и готов был упорствовать, пока не добьется своего, услышав это, немедленно решил воспользоваться случаем.

— Сюэмянь, если хочешь, чтобы я помог тебе, это возможно. Только уговори меня, скажи, что согласен родить мне ребенка.

Цзи Сюэмянь, собрав последние силы, ударил его ногой в грудь — удар был в полную силу.

— Заткнись.

Дуань Цичи лишь поморщился:

— Рожать будешь?

Цзи Сюэмянь и так терпел из последних сил, закашлявшись:

— Нет!

Дуань Цичи усмехнулся, одной рукой схватил его за колено, подтянул к себе и с наглым любопытством посмотрел на него.

— Правда не можешь? — улыбка была невероятно раздражающей.

Цзи Сюэмянь, чувствуя, как внутри все клоочет от бессилия, влепил ему пощечину, но Дуань Цичи ловко увернулся. В ушах Цзи Сюэмяня зазвенело — словно рой пчел, звуки начали пропадать.

Дуань Цичи снова улыбнулся:

— Спрашиваю еще раз: родишь мне?

Цзи Сюэмянь, сдерживая слезы, покачал головой:

— Нет... не могу...

Голова шла кругом, он едва понимал, что происходит. Не желая потакать Дуань Цичи, он принялся ругать его на чем свет стоит, не упуская ни одного ругательства. Но Дуань Цичи не собирался отступать, с упорством маньяка сжимая его запястья:

— Последний раз. Рожаеть или нет? Подумай хорошенько.

Сердце Цзи Сюэмяня словно раскололось надвое. Этот скот — упрямый осел. С глазами, полными слез, он, не видя другого выхода, решил временно уступить:

— Рожу, рожу, рожу тебе...

— Сколько родишь?

— Сколько... хоть целую кучу, довольно?

В ту ночь Дуань Цичи заставил Цзи Сюэмяня бесчисленное количество раз повторить, что он готов родить ему кучу детей. Темная лента валялась на полу, белая, лишенная крови рука пыталась ухватиться за край стола, чтобы выбраться, но спустя мгновение широкая сильная ладонь схватила её и безжалостно потянула назад.

От первых лучей луны до рассвета Цзи Сюэмянь, измученный паразитом и этой ночью, спал, едва дыша — невозможно было понять, жив он или мертв.

Открыв глаза, он обнаружил, что лежит на кровати. Неожиданно он увидел Дуань Цичи — тот, опрятно одетый, сидел у изголовья. Его глаза были красными от лопнувших сосудов, он неотрывно смотрел на него, и неизвестно, как долго он так сидел. Цзи Сюэмянь был истощен, впервые за год он выспался, не просыпаясь среди ночи.

Ему хотелось пить, в горле словно горел огонь, а голос пропал — он ведь прокричал на Дуань Цичи всю ночь напролет. Он попытался подняться, но резкая боль в животе заставила его упасть обратно. Дуань Цичи быстро поддержал его, лицо его стало серьезным, он засомневался:

— Сылин, где у тебя болит?

Цзи Сюэмянь не мог вымолвить ни слова. Ярость и досада ударили в сердце, в легких возникла острая боль, и он сильно закашлялся. Между пальцами проступили капли крови.

<http://bllate.org/book/21919/2277356>